

«Комсомольская правда», 1976, 2 октября.

НЫНЕШНИЕ споры о классике на театре, столь бурно протекающие и в критике, и среди зрителей, во всяком случае свидетельствуют следующее: живую жизнь слова, произнесенного когда-то так, затем и о том, что оно оказалось говорящим с именем через пространство и время. Как читать классику? Крайние точки: одна — только так, как того хотел сам классик; другая — только так, как хочет интерпретатор. Спорят о правах и обязанностях последнего, с горячечным воодушевлением и страстью. Но скажите, кто и когда установил со всей научной точностью и полнотой, что именно хотел сказать тот или иной автор? Пушкин трактовал Шекспира так, Белинский его же здак, а Толстой и вовсе по-своему.

Помимо того, известно, «сказали» и «сказались» — разные вещи, и произведение судят более всего с точки зрения «сказались». Но и тут разные люди в разное время читают — и вычитывают — у классиков разное: классика, помимо всего прочего, потому и классика, что она не однозначна. Разве «Чайка» уже так ясна, что и думать далее не над чем? Разве есть окончательная литературоведческая установка по толкованию «Тихого Дона»? Разве Горский должен быть понят только так и никак иначе?

Но тогда — насколько возможен «отход» от классики (хотя, как мы видели, это понятие условно), или, другими словами, какова может быть степень субъективности? Зем кем признать «правов» интерпретации, то есть прочтения?

На мой взгляд, это право определяется степенью таланта интерпретатора (которым является не только любой режиссер, но и любой критик любого времени, и прошлого и настоящего). Таланта, вбирающего в себя историзм мышления, нравственный идеал, горячее чувствование болевых точек бытия (в том числе и современности, находящейся созвучие в истории), понимание духовной жизни человека, острое художественное видение и еще многое и многое. Даю — высказываясь по поводу прочтенного. Не дано, не состоялся пока — не делай ложных попыток. Суди — зредое, эстетически развитое общественное чувство и время.

Хорошо. Но при этом любой талантливый критик может отозваться о работе любого талантливого режиссера (возьмем только этот случай): позовите, да это никуда не годится, ибо его прочтение классики не соответствует моему (хотя говорится иначе: «общепринятое»). И продемонстрирует свое. И, возможно, будет прав. Со своей позиции. За исключением слов «никуда не годится». Потому что режиссер, возможно, тоже прав. Со своими позициями.

А спор? Бесполезен? Не нужен?

Творческий спор, исклю-

чаящий, разумеется, критическую брань и навешивающие ярлыков, необходим, когда он обнаруживает новую точность и вызывает к жизни новую глубину в понимании искусства и действительности.

Спорят в основном о стилических постановках. Но классика ставится и провинции (имеется в виду, конечно, географический смысл этого слова), занимающей протяжение пространство, что соответственно играет свою роль в общем театральном процессе. Ничего не существует само по себе, в науке. Все взаимосвязано. И все рассчитано на зрителя.

Свадьба состоится. Только женится на Павле не младший, а старший Зыков, Антипа. Он весело, яростно, победоносно отбывает невесту у сына. Он сильный. А Миша слабый.

Пьеса Горького насыщена событиями и сюжетными сложными. Однако театр — аслед за духом, а не буквой драматурга — более интересует психологические сложности, ибо в них раскрывается философская природа этой, как и всякой другой горьковской вещи.

О большинстве действующих на сцене этого театра лили не скажешь: хороший или плохой. Живой — скажешь. Противоречивый, мукающийся — скажешь. Все

ниний болевой порог. И вся прошедшая перед нами жизнь предстает порочной потому, что она загубила Мишу. Последнее объяснение этого Миши с отцом есть акт не просвещения, а отвращения, такого, когда оно уже и не отвращает, а безнадежность. Может быть, молодому автору О. Бычкову следовало поискать здесь более точный рисунок рода, которую в целом он приводит остро и выразительно.

Горькое, сострадающее чувства по отношению ко всему хорошему, что так и не расцветает в этих загубленных людях, является живым итогом нашей встречи с классиком.

полненность или просто болтливость? Короче говоря, мы в конце концов принимаем его или нет?

Исследователь Горького Б. Бялик склонялся к последнему. Однак Ю. Юзовский, к которому мы уже обращались, проанализировав и составив высылки Мастакова и самого Горького, нашел, что многие любимые свои мысли автор вложил в уста героя. (Кстати, иллюстрация к вопросу о «правильной» и «неправильной» трактовке классиков).

Главный режиссер Брянского театра В. Терентьевставил первую половину пьесы как бы по Ю. Юзовскому, а вторую — по Б. Бялику. При всем том, что линии поведения некоторых персонажей намечены любопытно, виден психологический поиск, общее звучание пьесы оказалось неясным, общий замысел — недостроенным и прежде всего из-за неясности главной фигуры. Показывая «странныго интеллигента» со множеством внешних забавных черточек, артист В. Запорожченко понапацу достаточн сложен. Однако как только Мастакова «бьют» — оппоненты, а также жизненные обстоятельства, он немедленно обворачивается фразером, мелким, никчемным человеком. О talente, о мучительных размышлении нет уже и речи. Развенчание героя? Но такое «развенчание» горьковского героя — уж во всяком случае фигуры значительной и неоднозначной — задача не слишком благодарная, да и неинтересная.

В этом спектакле на первый план вышел образ жены Мастакова Елены — образ, вызывающий симпатию своей силой и цельностью. Однако актриса А. Корнилова несет эту цельность, как флаг, не проникнув в внутренний мир героини, а лишь демонстрируя результат. Не мы делаем вывод о духовной красоте и благородстве этой женщины, а нам его навязывают — через красоту и благородство поэз.

Неточное представление о драме жизни — драме идей, заключенной в пьесе Горького, неточная собственная позиция привели к приближительному результату. Нет своего прочтения — и пострадал классик. Вот какая штука.

ЛЕТНИЕ ГАСТРОЛИ познакомили нас с интересными постановками классических произведений. Интерес двоякого рода: был урок успеха и урок неуспеха. Эти уроки еще раз дали ответ на вопрос, как читать классику. С уважением. В соответствии с масштабом произведения. Без той «отсебятины», которая мельчит, а то и вовсе «устроивает классику». Читать так, чтобы зрителю, нашему современному, открывались новые и новые пласти неисчерпаемого богатства классики.

О. КУЧКИНА.